1 апреля 1983 г. № 13 (1094).

НАУКА В СИБИРИ
г. Новосибирск

Сегодняшний выпуск «Творчества» мы решили посвятить известному нашему комедиографу Леониду Гайдаю. И на то есть свои причины. Во-первых, сегодня — День смеха. Во-вторых, Леонид Гайдай отметил недавно свой шестидесятилетний юбилей. А в-третьих, он — наш земляк, сибиряк, а точнее — иркутянин. Поэтому и рассказывает о нем наш иркутский корреспондент Александр БАТАЛИН.

ТРИДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ СМЕХА

Если все фильмы Леонида Гайдая склеить вместе, получится лента длиной свыше тридцати километров. Если смотреть ее без перерывов, то этот марафонский киносеанс продлится около суток.

А попробуем представить, что с помощью машины времени (из фильма «Иван Васильевич меняет профессию») удалось собрать персонажей гайдаевских лент и заселить их в один многоэтажный дом. Нелегко, наверное, придется тихому Шурику по соседству с Эллочкой-людоедкой. Что касается Остапа Бендера, то он не стал бы конфликтовать с Жоржем Милославским, а подобно «детям лейтенанта Шмидта», поделил бы с ним зоны влияния и не пришлось бы ему «переквалифицироваться в управдомы». Тем более, что управдомов и так двое на один дом: Бунша-Корецкий (из «Ивана Васильевича...») и героиня Н. Мордюковой (из «Бриллиантовой руки»). Можно предположить, что в борьбе за управдомовский портфель победила бы героиня Н. Мордюковой, ну а Бунше и в замах было бы неплохо. Что касается начальства повыше, то товарищ Саахов сумел бы найти общий язык с господином Сквозник-Дмухановским...

Легким жанром называют комедию. А мне вспоминается, как лет десять назад, приехав в Иркутск, пришел Леонид Гайдай в телестудию, на мою передачу «Киногоризонт». Он тогда только что закончил съемки «Двенадцати стульев», и было видно, как нелегко дается этот «легкий жанр»: и по тому, как он был измотан, и по тому, что он говорил. Он говорил, как трудно экранизировать юмористическую прозу, где огромная доля юмора заключена в авторских комментариях, а их почти невозможно перевести на язык кино.

О языке кино Гайдай всерьез задумался некоторое время спустя после своего кинематографического дебюта (уже была «Ляна», где он был режиссером - практикантом у Б. Барнета и сыграл одну из ролей: был серьезный фильм «Долгий путь», снятый вместе с В. Невзоровым по рассказам В. Короленко; и еще — кинопамфлет «Жених с того света»). Не слишком ли много в кино говорят, подумал он, и захотел снять фильм без слов.

Было это в 60-м году, во время приезда в Иркутск. Дождливым летним днем сидел он в родительском доме и читал газеты. Маленький стихотворный фельетон о браконьерах, напечатанный в «Правде», дал толчок фантазии режиссера. В Москву он приехал уже с готовым сценарием короткометражки «Пес Барбос и необычный кросс», где действовала придуманная им троица забавных проходимцев — Трус, Балбес и Бывалый.

«Пес Барбос...» и «Самогонщики» покорили остроумными, парадоксальными ситуациями, смешными характерами-масками, отточенным, пружинистым ритмом. Это было новое обращение к немому кино, к жанру «комической», как называли раньше комедийные ленты.

«Гайдай возродил незаслуженно забытый жанр сатирической, эксцентрической комедии на новой социальной основе», — так оценили гайдаевский поиск критики и киноведы, и это уже стало фактом истории кинематографа. Гайдаевские короткометражки (а также и другие его фильмы) получили почетные награды у нас и за рубежом. Гайдаевская троица стала настолько популярной, что «деловые люди» из нашей легкой промышленности наладили одно время массовый выпуск их каучуковых масок. На обратной стороне такой маски были четыре дырочки и, вставив туда пальцы, можно было заставить Балбеса, Труса или Бывалого подмигивать, делать гримасы и ужимки. Правда, на приклеенных к маскам ярлычках с ценой были почему-то напечатаны не имена персонажей, а имена артистов: «Юрий Никулин», «Георгий Вицин», «Евгений Моргунов»... Так и к имени режиссера критики порой приклеивают какой-нибудь ярлык, от которого потом так трудно избавиться.

Но не будем вдаваться в дискуссии и киноведческий анализ, помня о поводе нашей сегодняшней встречи с Леонидом Гайдаем. А потому вспомним, что родом он из Иркутска, а значит, наш земляк.

До сих пор стоит домик на улице Касьянова, где он рос, и разрослись посаженные им вместе с отцом тополя. Они сажали их 22 июня 1941 года, наутро после выпускного вечера (Гайдай окончил 42-ю школу), а несколько часов спустя узнали, что началась война. О чем-то подобном мы читали, что-то похожее видели в кино. Но так оно и было у Леонида Гайдая на самом деле.

Очень рвался на фронт, но когда в начале 42-го его, наконец, призвали в армию, то поначалу отправили на восток, в кавалерийский полк. Тонкий, подтянутый юноша с шашкой на поясе — таким можно было увидеть через несколько месяцев начальника отделения, сержанта Леонида Гайдая. Вместе с товарищами - сослуживцами заарканивал он диких монгольских лошадок, приучал к недоуздку, потом к узде, к седлу. А потом отправлял их на фронт.

Вскоре и Леонида Гайдая переправили на запад. Он попросился в разведку. После специальной подготовки начались фронтовые будни разведчика Гайдая в составе Третьей ударной армии на западном фронте. Днями — отдых, а ночами — рейды в расположении врага, поиск «языков»...

Но до победного конца довоевать Гайдаю не привелось. В начале 44-го он вернулся в Иркутск. «Пришел солдат с фронта» на костылях, признанный инвалидом после тяжелого ранения. Однако отчаянья не было. И не было сомнений, метаний, куда теперь идти. Потому что еще до войны, с детства, полюбил он театр, стихию игры, актерских перевоплощений.

Начиналось с мальчишеских розыгрышей и мистификаций. Потом зачастил он в клуб железнодорожников, где в то время был сильный драматический коллектив. На вечерние представления его с товарищами не пускали, но иногда им удавалось обойти грозную Чугуниху, стоявшую на контроле, и проникнуть в зал.

После окончания школы Леонид Гайдай ступил уже на подмостки Иркутского драмтеатра. Правда, не актером, а рабочим сцены. Тогда в Иркутск был эвакуирован Московский театр сатиры, и несколько месяцев в ожидании призыва в армию он устанавливал декорации, открывал и закрывал занавес и незаметно выучил наизусть все спектакли, в которых играли такие мастера смеха, как В. Я. Хенкин, И. А. Любезнов, Н. П. Поль...

И вот, вернувшись с фронта, Гайдай решил стать актером. Три с половиной года учебы в студии при Иркутском драмтеатре пролетели незаметно, и он стал актером основного состава. За два года работы — два десятка ролей самых разных, но, в большинстве, — характерных, комических, гротесковых. Но хотелось большего.

В свое время молодой Сергей Эйзенштейн, уходя из театра в кино, запальчиво сказал: «Бросаю соху, выписываю трактор». Примерно так, наверно, думал и Леонид Гайдай, уезжая в Москву поступать во ВГИК. И стал он учеником всем нам известного мастера комедии Григория Александрова (который, кстати, будучи Гришей Мормоненко, проходил киноуниверситеты у С. Эйзенштейна). Так начинался путь в кино теперь тоже всем известного мастера Леонида Гайдая, народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии имени братьев Васильевых, пришедшего к своему 60-летию.

Помня о традиции редакционных встреч - чаепитий с интересными людьми, я позвонил Леониду Гайдаю в Москву и пригласил в редакцию на чашку чая с бальзамом «Сибирь», созданным сибирскими учеными. Не имея возможности приехать, Гайдай любезно согласился на заочное чаепитие и, заварив индийского чая в расфасовке Иркутской чаеразвесочной фабрики, подсел к телефону.

Еще раз поздравив нашего земляка с юбилеем, я спросил, с каким настроением встретил столь серьезную дату режиссер смешных фильмов.

— С печалью, но и с надеждой. Многое еще хочется сделать,— ответил Леонид Иович с присущим ему немногословием.

— Какому зрителю вы адресуете свои фильмы?

— Кино — искусство демократичное, и я хочу, чтобы в моих картинах каждый находил свое, ему интересное и нужное — от пионера до пенсионера.

— Как вы относитесь к критике, к рецензиям на свои фильмы?

— Положительно. Был помоложе — сильно переживал, если ругали. Сейчас отношение спокойное и конструктивное.

— А чем вы занимаетесь в свободное от кинематографа время?

— Копаюсь в земле, развожу цветы и овощи, словом, по мере возможности участвую в Продовольственной программе. Еще люблю собак...

— Говорят, в своих картинах вы сами озвучиваете роли собак?

— Да, собаки очень правдивые актеры и преданные друзья. Слышите? Это подает голос мой фокстерьер Рича. Он полностью со мной согласен.

— Читателям нашего еженедельника было бы интересно узнать, как вы относитесь к науке?

— С уважением и любопытством. Ведь наука, как и искусство,— вид творчества. Правда, следует признать, что по количеству открытий и эффективности внедрения сегодняшняя наука, по сравнению с искусством, вырвалась вперед. Но, я думаю, что чувство юмора, которое всегда было свойственно ученым, не даст им зазнаться.

— В свое время учитель вашего учителя Сергей Эйзенштейн намеревался экранизировать «Капитал» К. Маркса. Может быть, есть научные произведения или проблемы, на тему которых и вам бы хотелось сделать фильм?

— Если иметь в виду жанр, в котором работаю я, то при наличии хорошего сценария такой темой мог бы стать процесс защиты диссертации. Может быть, соответствующая литературная основа могла бы родиться в недрах веселой «Сигмы», о которой вы мне рассказывали?

Волнует меня и тема защиты окружающей среды. Всерьез подумываю о ее сатирическом киновоплощении.

— Скажите, пожалуйста, а какой фильм вы собираетесь снимать сейчас?

— Берусь за классику. Первого апреля всерьез сажусь за сценарий фильма «Русский секрет» по мотивам сказа Н. Лескова «Левша». Это ближайшая работа.

Есть у меня еще мечта — поставить фильм о сибиряках, о старом и новом Иркутске и снимать его в родном городе. Но как и когда эта мечта воплотится в жизнь, сказать пока не могу.

— Спасибо, Леонид Иович! Ваши земляки искренне желают вам (а значит и себе) новых интересных фильмов, новых километров смеха.

г. ИРКУТСК.

Георгий Вицин, Фрунзик Мкртчян, и Леонид Гайдай на съемках фильма «Кавказская пленница». Апрель 1966 г.